

**А.И. Куляпин**

**Творчество Михаила Зощенко:  
истоки, традиции, контекст**

**Москва  
Издательство Нобель Пресс**

УДК 81  
ББК 81  
А11

А11 **А.И. Куляпин**  
Творчество Михаила Зощенко.: истоки, традиции, контекст / А.И. Куляпин – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:  
Издательство Нобель Пресс, 2024. – 122 с.

**ISBN 978-5-458-54905-9**

В монографии анализируются существенные аспекты процесса формирования и эволюции мировоззрения и поэтики Зощенко. В центре внимания отношение Зощенко к современникам (Горькому, Замятину, Чуковскому, Маяковскому, Олеше) и классикам (Гоголю и Лермонтову). Монография предназначена как для филологов, так и для всех интересующихся творчеством Михаила Зощенко.

**ISBN 978-5-458-54905-9**

© Издательство Нобель Пресс, 2024  
© А.И. Куляпин, 2024

**А.И. Куляпин**

**Творчество Михаила Зощенко:  
истоки, традиции, контекст**

**Москва  
Издательство Нобель Пресс**

УДК 81  
ББК 81  
А11

А11 **А.И. Куляпин**  
Творчество Михаила Зощенко.: истоки, традиции, контекст / А.И. Куляпин – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:  
Издательство Нобель Пресс, 2024. – 120 с.

**ISBN 978-5-458-54905-9**

В монографии анализируются существенные аспекты процесса формирования и эволюции мировоззрения и поэтики Зощенко. В центре внимания отношение Зощенко к современникам (Горькому, Замятину, Чуковскому, Маяковскому, Олеше) и классикам (Гоголю и Лермонтову). Монография предназначена как для филологов, так и для всех интересующихся творчеством Михаила Зощенко.

**ISBN 978-5-458-54905-9**

© Издательство Нобель Пресс, 2024  
© А.И. Куляпин, 2024

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                 |     |
|-----------------------------------------------------------------|-----|
| <b>ВВЕДЕНИЕ</b> .....                                           | 5   |
| Глава первая <b>ЗАМАСКИРОВАН СМЕХОМ</b> .....                   | 8   |
| Глава вторая <b>ПИСАТЕЛЬ С МОДНОЙ БИОГРАФИЕЙ</b> .....          | 17  |
| Глава третья <b>СЛОВА И КРАСКИ</b> .....                        | 29  |
| Глава четвертая <b>ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ</b> ..... | 46  |
| Глава пятая <b>УЧЕНИК-ПОБЕДИТЕЛЬ</b> .....                      | 54  |
| Глава шестая <b>ЗОЩЕНКО ОБИДЕЛСЯ</b> .....                      | 69  |
| Глава седьмая <b>ОБМАН ЧУВСТВ И ПРОМАХИ РАССУДКА</b> .....      | 88  |
| Глава восьмая <b>ВЕЩИ И ЗНАКИ</b> .....                         | 103 |
| <b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</b> .....                                         | 114 |
| <b>Литература</b> .....                                         | 115 |



## ВВЕДЕНИЕ

Зощенко старался максимально ограничить круг своего общения. Мемуаристы с редким единодушием пишут о его нелюдимости. «Когда “угрюмство” слишком донимало его, он уходил от семьи и ближайших друзей, — свидетельствует К. Чуковский. — Как-то я зашел к нашему общему знакомому фотографу в его ателье на Невском, и фотограф сказал мне таинственным шепотом, что у него в мансарде, тут, за перегородкой в соседней клетушке, скрывается Зощенко. “Вторую неделю не бреется... сам себе готовит еду... и чтобы ни одного человека! Сидит и молчит всю неделю”» [Чуковский 1990, с. 596].

Если Зощенко и проявлял интерес к окружающим, то это был специфический интерес. Т. Хмельницкая рассказывает о начале своего знакомства с писателем:

«В мае 1945 года кончилась война, и в Союзе писателей был грандиозный праздничный вечер. <...> Меня вдруг остановил Зощенко, с которым до того я не обменялась ни одним словом, и начал с места в карьер:

— Я думаю о вас уже восемь лет и никак не могу разгадать. Я не раз видел вас еще до войны в Доме писателя, такую молодую, оживленную, улыбающуюся, я не мог понять, почему женщина в расцвете лет, явно благополучная и счастливая пишет? Я знал, что вы пишете и много печтаетесь, и это казалось мне несовместимым с вашей, видимо, радостной и легкой жизнью... Сужу по себе: даже в молодости я был бесконечно и необъяснимо несчастен. <...> Отчаянная тоска и непонятные страхи угнетали меня. Я не мог ни есть, ни пить, ни спать. Я боялся выходить на улицу и задыхался в комнате с закрытыми дверьми. Мне тягостно было встречаться с людьми. Я непрерывно недомогал, хотя никакой определенной болезни у меня не было, и попытки лечения не помогали. Мне не хотелось жить. И тогда неожиданно для себя я стал писать. И это был единственный выход из состояния, казалось бы, безнадежного. Я не сразу избавился от тоски, но уже через некоторое время, когда литература стала основным делом моей жизни, это мучительное состояние прошло» [Воспоминания 1995, с. 433–434].

Знакомство «загадочное и незавершенное», по определению мемуаристики, оборвалось так же неожиданно, как началось. Прощаясь при последней встрече, Зощенко сказал: «Я думал, вы авантюристка, а вы просто хорошая женщина» [Воспоминания 1995, с. 436]. Т. Хмельницкая очень проникательно судит о мотивах необычного внимания к ней со стороны Зощенко:

«Проблема противоречий, сложностей и странностей человеческой жизни продолжала его волновать и тревожить. Найдя выход для себя, он хотел передать этот

опыт людям, найти разрешение и для других сложных и странных судеб и ситуаций. Он стал проверять найденные им закономерности на других людях. Быть может, эти свои исследовательские детективно-психологические новеллы о жизни он бы продолжил, и каждый человек, не укладывающийся в однозначное понимание, становился бы для него объектом исследования.

Таким объектом на короткое время стала и я, но, найдя для себя ответ и разгадку, он вежливо и благодарно отошел» [Воспоминания 1995, с. 437].

Просто хорошие люди Зощенко не любопытны, его привлекают те, кто может стать объектом исследования. В книге «Перед восходом солнца» он признается:

«<...> Я наблюдал за людьми с огромным интересом и волнением. Меня особенно волновали те болезненные “ответы”, людей, которые происходили вне контроля разума. Эти ответы были иной раз столь чудовищны и нелепы, что, казалось, непонятно их значение. Но, подумав, я всякий раз убеждался в целесообразности этих ответов» [Зощенко 1994, т. 3, с. 634].

«Я сам заинтересован в этом человеке. И он уже давно распотрошен в моей лаборатории», — сообщает Зощенко Мариэтте Шагинян в письме от 4. 01. 1941 г., почти целиком посвященном Д. Шостаковичу [Зощенко–Шагинян 1989, с. 99]. Глубокий психологический анализ личности композитора, как и в случае с Т. Хмельницкой, основан на универсализации собственных проблем и комплексов. «Я с радостью согласился бы ему помочь, — пишет в заключение Зощенко. — У меня в этих делах большой личный опыт. Вы, вероятно, помните, как мне было трудно? Вы видели меня в жалком состоянии. Мне удалось уйти от этого. Но как подступиться к нему — я теряюсь. И поэтому я решил начать мою “сатанинскую” работу только тогда, когда ему будет чрезвычайно плохо и когда будет погибать его искусство» [Зощенко–Шагинян 1989, с. 99].

Судя по всему, в лаборатории писателя были «распотрошены» почти все классики и очень многие современники. Следы такой аналитической работы обнаруживаются в его рассказах, повестях, письмах и заметках. Но если о выдающихся художниках и мыслителях прошлого Зощенко имел возможность говорить более или менее открыто, то для того, чтобы высказаться по поводу судьбы современников, ему приходится искать особые, не прямые способы. Размышления о жизни и характерах писателей 1920–30-х годов уходят в подтекст многих его произведений. Необходима реконструкция этих философско-психологических разборов, так как, с одной стороны, они помогут лучше



понять личность тех, кто стал объектом зощенковского психоанализа, а с другой — будут способствовать углублению представлений о самом Зощенко.

В монографии рассмотрены важнейшие аспекты взаимоотношений Зощенко с его литературными наставниками и младшими современниками. Первые представлены М. Горьким, Е. Замятиным и К. Чуковским, вторые — Ю. Олешей. Особую роль в формировании мировоззрения и эстетики Зощенко сыграл его отец — известный художник-передвижник. Анализ этапов развития соперничества сына-писателя с отцом-живописцем посвящена отдельная глава работы. В первой главе значительное место уделяется фигуре Ф. Ницше, полемический диалог с которым продолжался на протяжении всего творческого пути Зощенко. Кроме того в ряде разделов монографии поставлен вопрос о роли русской классики XIX века в процессе творческого самоопределения писателя.

## Глава первая

### ЗАМАСКИРОВАН СМЕХОМ

Творчество очень немногих писателей автобиографично и автопсихологично в такой же степени, как творчество Зощенко. Практически единственный объект его писательского внимания — он сам, предметом тщательного художественно-психологического анализа становятся не только важные события «внешней» биографии, но и мельчайшие душевные движения\*. Недаром некоторые мемуаристы (а вслед за ними и критики) заговорили о нарциссизме Зощенко. Язвительный В. Катаев вспоминает: «В гостях он был изысканно вежлив и несколько кокетлив: за стол садился так, чтобы видеть себя в зеркале, и время от времени поглядывал на свое отражение, делая различные выражения лица, которое ему, по-видимому, очень нравилось» [Катаев 1984, с. 201]. Этот эпизод послужил поводом для далеко идущих выводов о личности и творчестве Зощенко в книге А. К. Жолковского «Блуждающие сны» (глава «Влюбленно-бледные нарциссы о времени и о себе»). [Жолковский 1992].

Парадоксальность ситуации в том, что сказав о себе так много, Зощенко сумел остаться автором очень загадочным. М. Золотоносов назвал свою юбилейную статью «Темный Зощенко», указав тем самым, помимо всего прочего, на непроницаемость для стороннего наблюдателя внутреннего мира писателя [Золотоносов 1994]. Уже у современников возникало ощущение полной закрытости личности Зощенко. Таким было, например, впечатление едва ли не лучшего исполнителя зощенковских рассказов Владимира Яхонтова. Биограф актера Н. Крымова отметила: «Яхонтов еще не сталкивался со случаем, когда автор был бы так озабочен, чтобы не обнаружить собственной души и собственное лицо» [Крымова 1978, с. 275]. Лицо Зощенко постоянно скрыто маской. И даже самые откровенные его признания зачастую оказываются искусной (хотя и не всегда преднамеренной) мистификацией.

Зощенко родился в Петербурге 28 июля 1894 года. Исследователям лишь сравнительно недавно удалось установить эту, правильную, дату рождения писателя. Сам Зощенко в качестве года своего рождения указывал и 1895, и 1896, а местом рождения

---

\* Показательны заглавия автобиографических заметок Зощенко 1920-х годов: «О себе, об идеологии и еще кое о чем» (1922), «О себе» (1928), «О себе, о критиках и о своей работе» (1928).

называл то Полтаву\*, то Петербург. Причем разнбой в анкетных данных появляется только после 1920 года, до этого Зощенко при заполнении разного рода документов точен. «Причина, по которой писатель вознамерился некогда снизить свой возраст (а при оформлении пенсионных документов не захотел исправить явную ошибку в своих паспортных данных), пока не установлена историками литературы», — констатирует В. Н. Запелалов, опубликовавший «Документальные материалы М. М. Зощенко в Пушкинском Доме» [Михаил Зощенко 1997, с. 6].

Списать расхождение дат на простую забывчивость нельзя. Подтверждением пристального внимания писателя к последствиям подобной манипуляции с возрастом могут служить его произведения. Персонажи Зощенко нередко прибегают к намеренному обману, произвольно меняя год своего рождения. В рассказе «Собачий нюх» (1924) это деяние квалифицируется как уголовное преступление. Безымянный «гражданин из седьмого номера» сознается перед народом:

«Виноват, говорит, виноват. Я, говорит, это верно, в трудовой книжке год подчистил. Мне бы, говорит, жеребцу в армии служить и защищать отечество, а я живу в седьмом номере и пользуюсь электрической энергией и другими коммунальными услугами. Хватайте меня!» [Зощенко 1994, т. 1, с. 181].

Автобиографический и автопсихологический подтекст замечен в более позднем рассказе «Новые времена» (1938), герой которого, как и Зощенко, оказывается бывшим офицером царской армии:

«А когда стали развертывать все его дело, то видят такую несообразность: по виду ему тридцать пять лет, а по паспорту — пятьдесят.

Начали интересоваться и спрашивать: почему такая, как бы сказать, природная неувязка? И он вскоре признался, что он из прапорщиков царской армии, скрывший свое социальное лицо и вдобавок подделавший документы.

---

\* Великий юморист и сатирик просто обязан быть земляком Гоголя.

Тут, конечно, его окончательно взяли и отправили на одно крупное строительство» [Зощенко 1991, с. 462].

Не подлежит сомнению, что для Зощенко гораздо актуальнее противоположная по отношению к «Новым временам» операция, связанная, как справедливо заметил А. К. Жолковский, с необходимостью «маскирующих старость манипуляций, если не с деньгами, то с паспортом» [Жолковский 1999, с. 218]. И в этом плане многое проясняет то обстоятельство, что путаница в документах начинается с 1920 года.

В июле этого года Зощенко вступает в брак с Верой Владимировной Кербиц-Кербицкой. Именно с этим событием предположительно увязывает зощенковскую «ошибку» Ю. В. Томашевский: жених стремился соответствовать вкусам невесты, предпочитающей мужчин не старше себя. Версия эта вполне обоснована, тем более что в докладе на научной конференции «“Серapiоновы братья”: Истоки, поиски, традиции, международный контекст» (Санкт-Петербург, 1996) Ю. В. Томашевский сослался на свидетельство самой Веры Владимировны. Правда, тот факт, что в «Книге записей браков» год рождения Зощенко указан правильно (1894), как будто бы противоречит гипотезе Ю. В. Томашевского. Но важно, что и в этом документе возраст жениха и невесты одинаков. В качестве даты рождения Веры Кербиц здесь фигурирует «18 ноября 1894 г.» [Михаил Зощенко 1997, с. 23]. На самом она родилась в 1896 году. Правильную хронологию восстанавливают Г. В. Филиппов и В. В. Бузник: 1896–1981 [Михаил Зощенко 1997, с. 49, 80].

Принимая во внимание объяснение Ю. В. Томашевского и В. В. Зощенко, необходимо все же учитывать ряд дополнительных факторов.

1920 год стал для будущего писателя поворотным во многих отношениях. В январе умирает мать Зощенко — Елена Иосифовна, что ведет к существенным переменам в его жизни. 1920-м годом помечен первый из предназначенных к публикации рассказов — «Рыбья самка» [Чудакова 1979, с. 36]. По воспоминаниям жены писателя, к самостоятельному творчеству он вернулся зимой 1920–21 годов: «часто при свете лампадки <...> писал он свои первые, вскоре увидевшие свет произведения» [Михаил Зощенко 1997, с. 63]. Помимо «Рыбей самки», В. В. Зощенко называет рассказы «Любовь», «Война», «Старуха Врангель», «Лялька Пятьдесят». Зощенко теперь окончательно вступил на путь профессионального творчества, и значит, в первую очередь ему пришлось поработать над формированием своего биографического мифа.